

Дом и музей Владимира Набокова | La maison et le musée de Vladimir Nabokov

Author: Татьяна Пономарева, [Санкт-Петербург/Монтре](#) , 03.02.2011.

Мемориальная доска на доме 47 по Морской улице в Санкт-Петербурге
Накануне открытия в Монтре, давшем последний приют Владимиру Набокову, выставки его фотографий из коллекции Фонда швейцарского мастера Хорста Таппе, мы предлагаем вам рассказ о родном доме знаменитого писателя, который он называл "единственным домом в мире".

En février une exposition des portraits photographiques de Vladimir Nabokov, issus de la collection de la Fondation Horst Tappe, aura lieu à Montreux, ville devenue dernier havre de l'écrivain. La veille de l'ouverture, nous vous proposons un récit touchant sur une demeure que Nabokov lui-même appelait "ma seule maison au monde".

La maison et le musée de Vladimir Nabokov

«...у нас был на Морской (№ 47) трехэтажный, розового гранита, особняк с цветистой полоской мозаики над верхними окнами. После революции в него вселилось какое-то датское агентство, а существует ли он теперь - не знаю. Я там родился - в последней (если считать по направлению к площади, против нумерного течения) комнате, на втором этаже...» (Владимир Набоков, «Другие берега»)

Уже много лет я каждый день прихожу на работу в тот самый особняк розового гранита и почти каждый день слышу от посетителей нашего музея один и тот же вопрос: почему Набоков никогда не имел своего дома в Америке или в Европе? Действительно, после вынужденного отъезда из Петербурга в ноябре 1917 года у Набокова никогда не было ни своего дома, ни квартиры. За долгие годы жизни в Германии и Франции он, как и большинство русских беженцев, снимал скромные квартиры или комнаты, в Америке Набоковы жили в домах, которые они арендовали у своих коллег по университету. После неожиданного для него

коммерческого успеха романа «Лолита» Набоков мог позволить себе покупку дома, однако он этого не сделал, ни в Америке, ни в Европе. Вместо этого он надолго поселился в отеле «Монтре Палас», где и прошли последние шестнадцать лет его жизни. Сам Набоков в ответ на этот вопрос обычно отшучивался: в доме, говорил он, должны быть старые слуги, а если я куплю дом сейчас, то мои слуги уже не успеют постареть.

Как бы то ни было, дом в Петербурге на Большой Морской оставался для него «единственным домом в мире», в который он не смог вернуться при жизни, но вернулся своими книгами. Сейчас в доме находится Музей Владимира Набокова, тоже единственный в мире.

В те годы, когда Набоковы поселились в отеле «Монтре Палас», он казался очень похожим на петербургскую «Асторию», которую от набоковского особняка отделяет всего четыре дома. Сейчас и номер Набоковых на шестом этаже и сам отель в Монтре перестроены, и в нем уже мало что осталось от того облика Art Nouveau, который окружал Набокова и в петербургском детстве и в последние годы жизни. О Набокове в отеле напоминает только название номера и скульптура недалеко от входа в

отель, где Набоков теперь окружен его современниками-музыкантами. Правда, джаз и рок-музыку Набоков, выросший неподалеку от Мариинского театра, и, по его словам, двенадцать раз слушавший там оперу Глинки «Руслан и Людмила», так и не смог полюбить.

«...у нас был на Морской (№ 47) трехэтажный, розового гранита, особняк с цветистой полоской мозаики над верхними окнами. После революции в него вселилось какое-то датское агентство, а существует ли он теперь - не знаю. Я там родился - в последней (если считать по направлению к площади, против нумерного течения) комнате, на втором этаже...» (Владимир Набоков, «Другие берега»)

А в доме на Большой Морской улице в Санкт-Петербурге, где 10/23 апреля 1899 года родился писатель, изменилось не так много. За долгие годы дом, конечно, лишился многих деталей интерьера. Но главное уцелело – и лестницы, и витражи, и резные деревянные панели на стенах и потолке, и даже монограммы ЕН (Елена Набокова), напоминающие о владелице особняка. Иногда бывают и неожиданные находки: например, при ремонте в чулане вдруг обнаружили обрывок телеграммы, адресованной «г.Набокову».

Почти не изменился и вид из окон дома и сама улица, ведущая к Невскому проспекту через Исаакиевскую площадь. Улица долгое время носила имя другого великого русского изгнанника и, кстати, швейцарского гражданина – Александра Ивановича Герцена. В девяностые годы прошлого века ей вернули историческое имя, и теперь это снова дом 47 по Большой Морской.

Дом наш был построен еще в восемнадцатом веке и пережил многих владельцев. Среди них и сестра директора Царскосельского Лицея Каролина Энгельгардт, и семья Хитрово, и князь А.А. Суворов, внук знаменитого полководца.

В 1897 г. дом купил Иван Васильевич Рукавишников, действительный статский советник, один из трех братьев Рукавишниковых - наследников уральских и сибирских рудников и приисков. Двое из братьев жили в Москве: один из них, Константин, был московским городским головой, другой, рано умерший Николай – известнейшим московским благотворителем, основателем приюта для малолетних правонарушителей. Иван Васильевич жил в Петербурге, здесь выросли его дочь Елена и сын Василий. Дом на Морской был куплен как приданое для Елены перед ее свадьбой с Владимиром Дмитриевичем Набоковым. Набоковы поселились в нем в 1897 году, сразу после свадьбы, и прожили в нем до 1917 года. Здесь родились их пятеро детей – Владимир, Сергей, Елена, Ольга и Кирилл.

В 1901 году особняк был основательно перестроен по проекту архитектора

М.Ф.Гейслера, в нем появился третий этаж и все доступные тогда технические новшества – самая современная система отопления и электрического освещения, лифт, поднимавшийся на третий этаж. Была и комната-изолятор с отдельной канализацией на случай, если кто-то из семьи заболеет инфекционным заболеванием. Был в доме телефон, и была для него специальная комната, которую так и называли – телефонная.

Важной деталью убранства здания стали витражные окна. Над входом сохранился витраж с традиционным для петербургского модерна орнаментом из разноцветных ромбов. Интересно, что мотив ромбов из цветного стекла встречается во многих произведениях Набокова, вплоть до позднего романа «Посмотри на арлекинов». Сохранились и витражи в окне второго этажа, выходящего во двор, выполненные в знаменитой мастерской Эрнеста Тоде в Риге.

Набоковы не занимались целенаправленным коллекционированием, но в доме было и собрание западноевропейской живописи, принадлежавшее родителям Елены Ивановны, и большая коллекция графики современных им художников – Бакста, Бенуа и других. Много было и подарков от авторов – ведь Набоковы, как было принято тогда в России, много средств и много времени отдавали благотворительности. Они жертвовали деньги и Обществу для пособия нуждающимся литераторам (Литературному фонду), и Мариинскому театру, и бесчисленным другим организациям и объединениям.

Уезжая из своего родного дома в ноябре 1917 года, никто из Набоковых не думал, что это навсегда. Они взяли с собой вещей на несколько месяцев, рассчитывая пер

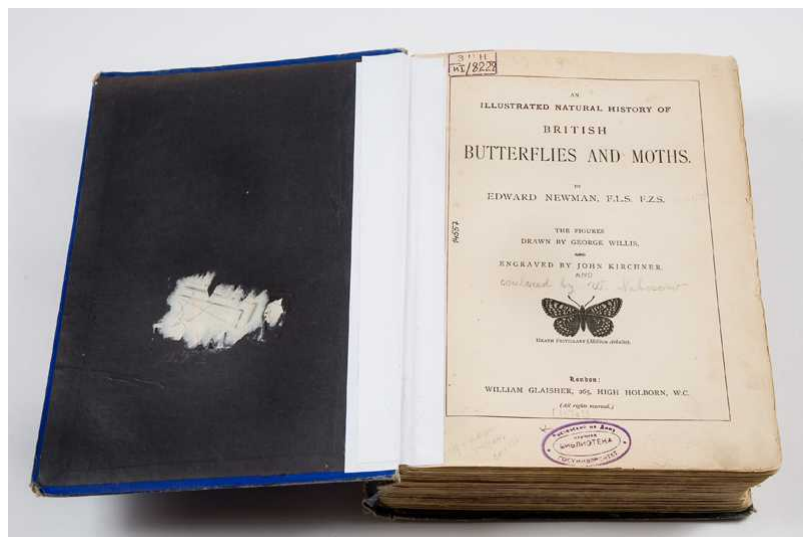

бежать столичные беспорядки в Крыму, в имении своих друзей. Дом остался, с книгами, с картинами на стенах, с рисунками бабочек на изразцах печи, которые сделал уже тогда увлекавшийся энтомологией Владимир, с игрушками младших детей. Первое время дом оставался под надзором управляющего, но вскоре и ему с семьей пришлось уйти. Не только дом, но и все движимое имущество было национализировано, а наиболее ценные вещи вывезены в существовавший тогда Государственный Музейный фонд. Картины попали в музеи, книги – в библиотеки, а еще большая часть их, по обычаю двадцатых годов, была продана за границу. Владимир Набоков позже вспоминал, как он случайно находил у парижских букинистов книги с экслибрисом своего отца.

Отъезд из дома еще нельзя было назвать бегством – Набоковы рассчитывали скоро вернуться, однако после полутора лет жизни в Крыму им пришлось, как и десяткам тысяч российских семей, бежать из России навсегда.

Сначала Набоковы, по традиции русских политэмигрантов предыдущего века, направились в Лондон, где жил один из братьев Владимира Дмитриевича, дипломат Константин Дмитриевич. Однако, в отличие о Герцена, сохранившего имение и доходы от него в России, Набоковы не могли оплачивать жизнь в Лондоне и через год перебрались в Берлин, который скоро стал основным центром русской эмиграции. Здесь Владимир Дмитриевич стал работать редактором русской газеты «Руль», брался и за любую другую работу. Одной из последних был перевод переписки Николая Второго и Александры Федоровны (они переписывались по-английски). Эту работу В.Д.Набоков закончить не успел, в марте 1922 года он был убит русскими террористами-монархистами. После этого семья рассеялась, Елена Ивановна с младшими детьми переехала в Прагу, а для Владимира-младшего началась самостоятельная писательская жизнь, которая приведет его в 1937 году во Францию, затем в Америку и, наконец, в Монтре.

Никто из Набоковых, живших в этом доме, вернуться в него не смог. Только Елена Владимировна Набокова-Сикорская смогла приехать в Ленинград через пятьдесят лет, но, как позже она вспоминала, в дом ее не пустили, она смогла увидеть только лестницу.

Дом Набоковых разделил судьбу многих особняков и дворцов столицы – он стал, как сейчас бы сказали, офисным зданием. В двадцатые годы долгое время здесь работали и жили сотрудники датской компании, занимавшейся прокладкой телеграфа из Европы в Японию (то самое датское агентство). В музее хранится письмо жены одного из сотрудников компании, в котором она с удивлением описывает своим родителям роскошные интерьеры особняка, в котором ей пришлось жить. При этом о судьбе хозяев дома ей ничего не было известно.

Какие только организации здесь потом не размещались – и райвоенкомат, и управление бытового обслуживания и, самое удивительное, – долгое время на первом этаже находилась организация под названием Обллит, то есть комитет литературной цензуры. Вполне вероятно, что сотрудники комитета были одними из тех немногих, кто Набокова читал, хотя запрет на публикацию Набокова, как и других эмигрантов, исходил, конечно, не отсюда, а из московских кабинетов. Надо признать, что благодаря этой влиятельной организации на первом этаже дома сохранилось больше деталей интерьера, чем на верхних этажах.

Судьба дома также необычна, как и судьба нашего писателя – дом совершил путешествие из литературы в жизнь, а не наоборот. Много лет он был закрыт для посетителей и существовал только для читателей Набокова в его романах и рассказах, и прежде всего, конечно, в его автобиографии «Другие берега».

Впрочем, были закрыты от широкого читателя и произведения Набокова. Только в конце 80-х годов прошлого века, после того как основные тексты Набоковы были впервые опубликованы в России, российские читатели вдруг обнаружили, что в родной литературе есть еще один, дотоле неизвестный классик. Конечно, и до перестройки у Набокова были преданные читатели в СССР – в собрании музея есть коллекции «самиздата», то есть копий, сделанных читателями с

самостоятельно. Подобно

средневековому монастырскому скрипторию, переписчики в Советском Союзе работали изобретательно и бескорыстно, а часто и с риском, если не для жизни, то для карьеры. У нас есть и фотокопии, и перепечатанные на пишущей машинке, и даже одна рукописная копия.

Или другой пример - известное американское издательство «Ардис», специализировавшееся на русской литературе, участвовало в Московской книжной ярмарке 1977 года. По счастливой случайности, им удалось привезти на выставку, среди прочих своих изданий, и романы Набокова. Как вспоминали издатели Карл и Эллендея Проффер, сразу после открытия ярмарки все издания Набокова были просто сметены читателями со стенда издательства.

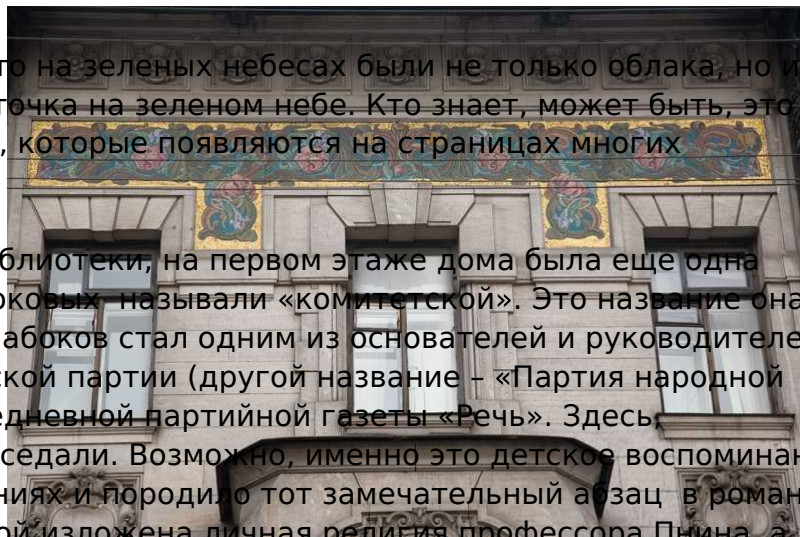
Однако создание музея в доме стало возможно только после «открытия» Набокова в России. Уже в начале девяностых годов в одной из комнат первого этажа была открыта небольшая экспозиция, постепенно музей рос и теперь занимает весь первый этаж. Официально музей открылся в 1999 году, к столетию со дня рождения Набокова. Первые девять лет он существовал как общественный музей, а с 2008 года музей вошел в состав Санкт-Петербургского государственного университета.

Первый этаж дома Набоков в своей автобиографии с улыбкой назвал «piano mobile». Здесь находились просторные парадные помещения, соединенные анфиладой - столовая, гостиная, библиотека и так называемая «комитетская комната». На втором этаже дома находились комнаты родителей, а третий этаж был отдан детям.

Дом был с любовной точностью описан Набоковым в романе-автобиографии «Другие берега» («Speak, Memory») и точность описания подтверждается новыми находками. Есть, например, одна комната на первом этаже дома, «Зеленая гостиная», как называли ее в семье. Из «Других берегов» мы узнаем, что в гостиной был ««высокий, расписанный бледно-зелеными облаками» потолок. Каждый, кто приходил в дом в прошлом веке, видел обычный белый потолок. Но вот в 2000 году была проведена частичная реставрация комнаты - и под грубой побелкой все увидели бледно-зеленые облака. Небо и вправду оказалось необычного зеленого цвета. Затем, уже в

2009 году, реставрация

продолжилась, и оказалось, что на зеленых небесах были не только облака, но и гирлянды листьев, и даже ласточка на зеленом небе. Кто знает, может быть, это – первая из тех многих ласточек, которые появляются на страницах многих набоковских текстов.

Кроме гостиной, столовой и библиотеки, на первом этаже дома была еще одна комната, которую в семье Набоковых называли «комитетской». Это название она получила после того, как В.Д.Набоков стал одним из основателей и руководителей Конституционно-демократической партии (другое название – «Партия народной свободы») и соредактором ежедневной партийной газеты «Речь». Здесь, действительно, непрерывно заседали. Возможно, именно это детское воспоминание о долгих многолюдных заседаниях и породило тот замечательный абзац в романе «Пнин», в котором одной фразой изложена личная религия профессора Пнина, а возможно, и профессора Набокова: «Пнин ... не верил в самодержавного Бога. Он смутно верил в некую демократию духов. Быть может, души умерших образуют комитеты, которые на своем непрерывном заседании решают участь живых».

Сейчас в бывшей комитетской комнате, где не сохранился исторический интерьер, проходят временные выставки. Среди авторов – и российские и иностранные художники, фотографы. Большая часть выставок связана с Набоковым, прямо или опосредованно. Скажем, в апреле прошлого года, в день рождения Набокова, мы показали большую выставку работ замечательного художника Бориса Мессерера, который вместе с женой, выдающимся поэтом Беллой Ахмадулиной, встречался с Набоковым в Мontre в 1977 году. Они были единственными людьми из СССР (то есть неэмигрантами), которым удалось встретиться с Набоковым и рассказ об этой встрече звучал на открытии выставки.

Одна из наших художественных выставок была связана с Набоковым «генетически» – ее автором была голландская художница и скульптор Надежда Ван Иттерзум, правнучка родной сестры В.Д.Набокова.

В этом году в апреле нас ожидает выставка графики известных петербургских художников братьев Трауготов, полностью посвященная Набокову.

В бывшей библиотеке, в которой когда-то хранилось более 10 000 книг на четырех языках, сейчас собраны те издания, которые нам удалось собрать за годы работы музея. Это и книги из библиотеки Владимира Дмитриевича Набокова, и книги, принадлежавшие Владимиру Владимировичу, и многочисленные издания его произведений на разных языках, в том числе журналы и газеты, в которых Набоков печатался.

Когда музей создавался, в доме не оставалось ничего из набоковских предметов – все, что сейчас видят наши посетители, собрано за последние годы благодаря бескорыстной помощи наших дарителей.

Дмитрий Владимирович Набоков передал предметы писательского труда своего отца – карандаши, рабочие карточки с рукописями, пенсне, игру «Скрэбл» (известную в России под названием «Эрудит»), сачок для ловли бабочек.

Наш давний друг, американский коллекционер Терри Майерс, собрал и передал в дар музею огромную коллекцию первых изданий Набокова, в том числе и тех, которые

когда-то принадлежали самому Набокову и на которых сохранились его автографы.

Брайан Бойд, автор двухтомной биографии Набокова, подарил личные вещи В.В. Набокова - пиджак, куртку и ботинки. Судьба этих вещей необычна и трогательна: во время работы над биографией Бойд, тогда молодой исследователь, почти ежедневно встречался с вдовой писателя Верой Евсеевной Набоковой в Монтре. Как вспоминает Брайан, Вера Евсеевна не одобряла его стиль одежды - джинсы и свитера - и однажды предложила подарить ему одежду своего покойного мужа с тем, чтобы он выглядел более «прилично». Одежду Брайан с благодарностью принял, но, конечно, никогда ее не носил.

Другая необычная история - это предметы, сохраненные в семье управляющего домом Иосифа Дорзеника. После отъезда Набоковых Иосиф Павлович еще не меньше года оставался жить в доме, уже не получая зарплаты, но стараясь сохранить то, что можно. Те вещи, которые им были подарены хозяевами дома, дочка и внучка Иосифа Павловича бережно сохранили в своей семье и позже бескорыстно передали в музей. Как вспоминала его дочь, она ребенком часто играла в гостиных с младшими Набоковыми. Это полностью подтверждает то, что мы знаем о Владимире Дмитриевиче Набокове из других источников - он был из тех людей, у которых политические идеалы не расходятся с повседневным поведением. Один из вдохновителей и лидеров Конституционно-демократической партии, убежденный противник сословной дискриминации, он и в жизни был верен демократическим принципам.

Мы благодарны и другим петербуржцам, подарившим нам драгоценные реликвии, связанные с домом Набоковых.

Среди наших дарителей необходимо упомянуть и замечательного швейцарского фотографа Хорста Таппе, который передал в дар коллекцию своих знаменитых фотографий Набокова, сделанных в 1960-х и 1970-х годах.

Музей каждый год проводит «Набоковские чтения», а раз в три года – крупные международные конференции, посвященные писателю. Интересно, что на первой конференции участников неожиданно приветствовала набоковская бабочка Vanessa Io, вдруг появившаяся на потолке комнаты.

Музей растет, и мы давно мечтаем о том времени, когда весь набоковский особняк станет музеем.

Татьяна Олеговна Пономарева - директор Дома-музея Владимира Набокова в Санкт-Петербурге.

От редакции: Выставка фотографий Владимира Набокова из коллекции Фонда Хорста Таппе, организованная при поддержке Почетного консульства России в Лозанне, будет проходить с 4 по 13 февраля в отеле Монтре Палас.

[музей](#)

[музеи Швейцарии](#)

[музеи в Швейцарии](#)

[швейцарские музеи](#)

[Владимир Набоков](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/culture/dom-i-muzey-vladimira-nabokova>